

Янь Цин, сгорая от неловкости, облачился в свадебный наряд. Это новое одеяние было еще роскошнее прежнего: золотые нити сплетались в огромные полотна изысканных и замысловатых узоров.

Когда он оделся, маленькие евнухи разразились потоком лести, превознося его так, будто он был единственным в своем роде и на небе, и на земле.

В тот момент, когда ему собирались уложить волосы, дверь распахнулась, и вошел Чу Сюньчжоу, облаченный в алое свадебное платье. Его длинные пальцы с отчетливыми суставами мягко перехватили гребень:

— Все свободны.

Евнухи откланялись и вышли.

Янь Цин обернулся и с сомнением посмотрел на него:

— Ты умеешь укладывать волосы?

Чу Сюньчжоу приподнял его распущенные темные волосы и пару раз плавно провел по ним гребнем. Его взгляд потемнел, скользнув по россыпи багровых засосов на загривке юноши.

— Разумеется, умею.

Янь Цину всё равно было не по себе. Особенно когда подушечки пальцев мужчины касались его шеи – по телу пробегала дрожь, заставляя невольно выпрямлять спину, пытаясь уклониться.

— Чего ты бегаешь? — Голос Чу Сюньчжоу слегка охрип.

Лицо Янь Цина вспыхнуло, он упрямо вытянул шею и буркнул:

— Причесывай давай, и не распускай руки. Не трогай лишнего.

Чу Сюньчжоу тихо рассмеялся:

— Какой ты чувствительный.

Янь Цин покраснел еще сильнее, внезапно переходя к праведному гневу:

— А кто виноват, что ты вчера так бесчинствовал?

Все эти полмесяца он был настороже, но в итоге всё равно не уберегся: тот добился своего и полночи ворочал его с боку на бок, как блин на сковородке.

Чу Сюньчжоу смиренно признал вину:

— Это моя ошибка. Великий наставник, не сердись на меня.

Янь Цин увидел в медном зеркале свои пылающие щеки, потер их ладонями и снова предупредил:

— Если не сможешь нормально причесать, я позову кого-нибудь другого.

Чу Сюньчжоу послушно кивнул и больше не касался того, чего не следовало.

Он аккуратно собрал волосы гребнем, взял лежащий рядом нефритовый венец с заколкой и закрепил прическу. Результат выглядел весьма достойно.

Янь Цин осмотрел себя в зеркале со всех сторон и остался доволен, решив больше не придирааться.

Волосы были уложены, но Чу Сюньчжоу продолжал замороженно смотреть на их отражения в зеркале:

— Сегодня наша свадьба. Великий наставник, мне ведь это не снится?

Янь Цин бесстрастно усмехнулся:

— Снится. Хочешь, я тебя ударю, чтобы ты проснулся?

Чу Сюньчжоу слегка наклонился, положил голову ему на плечо и потерся щекой о его щеку. Его горячее дыхание коснулось чувствительной мочки уха, а голос стал невероятно хриплым:

— И чем же Великий наставник хочет меня ударить?

Янь Цин: □(□^')□?

«Он что, умудряется пошлить даже на такой ровной дороге?»

— А ну отойди! Сам же знаешь, что сегодня свадьба. Будешь приставать – и я сбегу, так и знай.

Взгляд Чу Сюньчжоу мгновенно помрачнел:

— И с кем же Великий наставник хочет сбежать? Снова с Цзян Тинвань?

Янь Цину было уже лень спорить, поэтому он просто молча закатил глаза.

Чу Сюньчжоу продолжил:

— Боюсь, Великому наставнику придется разочароваться. Сегодня я специально отправил людей, чтобы запереть Цзян Тинвань в ее собственном доме. У нее не будет шанса явиться и сорвать церемонию.

Янь Цин: «...»

«Болен – лечись, но не смей сходить с ума при мне, ладно?»

Они еще немного повозились в комнате, пока слуги не постучали в дверь:

— Ваше Высочество, благоприятный час близок.

Чу Сюньчжоу принял серьезный вид и, взяв его за руку, вышел наружу.

Поместье регента было полно гостей. Пропустив этап встречи невесты, они, держась за руки, сразу вошли в главный зал.

— Первый поклон – Небу и Земле!

— Второй поклон – родителям!

— Взаимный поклон супругов!

— Проводить в покой!

Свадебные хлопоты были утомительны. Несмотря на то, что оба были мужчинами, прохождение через весь ритуал вымотало их до предела.

Наступили сумерки, и красный диск солнца медленно скрылся за горизонтом. Разобравшись с гостями, они вернулись в спальню. Осушив чаши с праздничным вином, Янь Цин от усталости просто рухнул на алые свадебные одеяла.

Он отсутствующим взглядом уставился в красный полог кровати и пробормотал себе под нос:

— Нет, свадьба – это слишком утомительно. В жизни больше на такое не подпишусь...

Чу Сюньчжоу, развязывавший в этот момент пояс на его талии, прищурился:

— И с кем же еще ты планировал вступать в брак?

Янь Цин покачал головой и лениво перевернулся, стряхивая его шаловливую руку:

— Ни с кем. Я устал, давай спать.

Чу Сюньчжоу помедлил, а затем не спеша начал стаскивать с него свадебный наряд:

— Цин-Цин, сегодня же наша первая брачная ночь.

Янь Цин, чей взгляд уже туманился от сонливости, не стал спорить из-за ласкового имени и лишь проговорил:

— Ты же еще вчера сказал, что мы проведем ее досрочно.

Иначе с чего бы он позволил ему добиться своего.

Чу Сюньчжоу принялся развязывать его нижнее белье, вкрадчиво нашептывая:

— Разве то можно было считать?

Янь Цин на мгновение отключился, а когда пришел в себя, почувствовал холод – его уже полностью раздели.

— Ты-ты-ты...

Чу Сюньчжоу опустился на колени на кровать, длинными пальцами небрежно сбрасывая собственный наряд. Заметив панику в глазах юноши, он изогнул губы в улыбке:

— Не волнуйся, Цин-Цин. Я буду нежен и не дам тебе слишком устать.

Янь Цин не поверил. Будучи мужчиной, он прекрасно знал, что в постели представители его пола могут наобещать что угодно; верить этому – верх наивности.

Тем более что каждый раз тот вел себя так, будто жаждал прикончить его прямо на простынях. Нужно быть безумцем, чтобы верить его словам.

Чу Сюньчжоу отбросил последнюю деталь одежды за пределы кровати, и многослойные занавеси медленно опустились, скрывая происходящее, из-за которых вскоре слышались приглушенные мольбы о пощаде, сорвавшиеся на плач.

Спустя неизвестное время белая, как нефрит, рука резко вцепилась в алый полог, словно в спасительную соломинку. Она сжалась так сильно, что на тыльной стороне проступили вены, но в следующий миг другая рука, крупная и сильная, перехватила ее и утянула обратно.

— Прочь... уйди...

А затем раздался удовлетворенный хриплый вздох мужчины:

— Цин-Цин, какой послушный...

— ...у-у-у...

В ту ночь в главные покои слуг вызвали подливать воду бесчисленное количество раз. Всё стихло лишь перед самым рассветом.

Глаза Янь Цина опухли от слез, на ресницах еще дрожали капли. Он в полузабытьи зарылся в одеяла - не то потеряв сознание от истощения, не то наконец провалившись в глубокий сон.

Чу Сюньчжоу с глубоким удовлетворением прижал его к себе и нежно поцеловал в лоб.

— Добрых снов, Цин-Цин.

<http://bllate.org/book/18143/1740381>